

Крижанич так рьяно выступал против «варяжской легенды», потому что она отрицала автохтонность русской государственности, возводила род русских князей к варягам — «немцам» и доказывала, «яко дабы... без Немецкого племени, немого племени и славен быть Руский народ».¹⁵

Крижанич считал ошибочным и вредным мнение о том, что московские князья — «Рюриковичи» — ведут свой род от Пруса, брата римского императора Августа. Путем несложных генеалогических построений Крижанич доказывает несостоятельность этой версии и утверждает, что из-за нее «не мала народу срамота чинит: яко да бы не было в Руском народе человека годна владательству: и будто да быху древни Руски господа рини домашни, но приискательны люди были».¹⁶

Если в приведенных выше случаях Крижанич отрицал достоверность летописных известий, то в других случаях, не высказывая сомнения в подлинности описанных событий, Крижанич давал им толкование, совершенно отличающееся от принятого в русском летописании. Так, например, в рассказе о дарах императора Константина Мономаха киевскому князю Владимиру русские авторы видели доказательство могущества русских князей, возвративших силой оружия, принадлежащие им по праву царские регалии.¹⁷ В освещении Крижанича все это выглядит совершенно иначе: «Мономах прислал предшественнику нашему Владимиру знаки царского достоинства и с помощью этой хитрости обесчестил наш народ. Как будто бы тот, кто хотел оставаться царем, должен был искать почести не от единого бога, а от какого-либо более высокого человека».¹⁸ Подобное мнение приводит Крижанича к выводу о том, что русский царь должен «вторично короноваться нашей русской короной, и тогда все дары и регалии Мономаха потеряют свое значение и будет совершенно разрушено суетное и еретическое мнение о том, что мы получили истинную власть и достоинство не от бога, а от кого-либо иного».¹⁹

Крижанич особенно упорно стремился покончить с «мономаховой легендой», ибо она более всего выражала идею преемственной связи между русскими царями и византийскими императорами и тем самым мешала ему в достижении его цели: доказать извечную самостоятельность русского самодержавия и одновременно устранить преграды, отделявшие Россию от католического мира.

Приведенные примеры показывают, что Крижанич, так же как и русские летописцы, стремился поднять международный авторитет Московского государства и укрепить престиж царской власти с помощью аргументов, заимствованных из отечественной истории. Но русские авторы шли к этой цели путем доказательства происхождения русских правителей (Август—Рюрик—Владимир...) и Русского государства (Рим—Византия—Москва) от каких-либо других «великих» государей и государств, а Крижанича подобный путь уже не удовлетворял.

Крижанич видел в русских историко-политических теориях не возвышение, а унижение достоинства абсолютного монарха и поэтому настойчиво полемизировал с московской литературной традицией. По его мнению, для исторического оправдания московского абсолютизма необходимо было устранить какую бы то ни было возможность оспаривать

¹⁵ Там же, стр. 680.

¹⁶ [Ю. Крижанич.] Русское государство в половине XVII века, т. 2. М., 1860, стр. 291.

¹⁷ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 104.

¹⁸ [Ю. Крижанич.] Русское государство в половине XVII века, т. 1, стр. 349.

¹⁹ Там же, стр. 351.